

**САУНДЕРС (SAUNDERS)
против СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА**

Судебное решение от 17 декабря 1996 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

Заявитель являлся директором и распорядителем акционерной компании “Гиннесс”. В апреле 1986 г. она приобрела компанию “Дистиллерс”, на которую претендовала также корпорация “Аржил”. В декабре 1986 г. инспекторы, назначенные Министерством торговли и промышленности, начали расследование, поскольку возникло подозрение, что во время борьбы за контроль над компанией “Гиннесс” искусственно удерживала стоимость своих акций или играла на их повышение путем противозаконной операции.

В течение первых шести месяцев 1987 г. инспекторы опрашивали заявителя девять раз и в присутствии адвокатов. По закону он был обязан отвечать на поставленные перед ним вопросы. Невыполнение этого требования могло привести к предъявлению ему обвинения в неуважении к суду, вынесению постановления о его виновности в неуважении к суду, которое наказывается штрафом или тюремным заключением сроком до двух лет. В январе 1987 г. инспекторы МТП уведомили министра, что они обнаружили доказательства возможного совершения уголовно наказуемых действий. Записи опросов и полученные в ходе расследования документы были переданы в Службу государственного обвинения, которая в последующем предоставила их в распоряжение полиции. Полиция начала свое собственное расследование в начале мая.

Заявителю и трем его соучастникам были предъявлены обвинения по пятнадцати пунктам, включая фальсификацию (восемь пунктов) отчетности, хищения (два пункта) и сговор (несколько пунктов). Он и его соучастники предстали перед Судом короны в апреле 1989 г.

При рассмотрении дела в суде заявитель отрицал свое участие в совершении противоправных действий. Обвинение доказывало его виновность, используя его показания инспекторам. На одном из этапов рассмотрения дела обвинение в течение трех дней зачитывало присяжным протоколы его опросов инспекторами.

В августе 1990 г. Суд короны признал заявителя виновным по двенадцати пунктам обвинения и приговорил его к пяти годам тюремного заключения. В мае 1991 г. Апелляционный суд отклонил его жалобу по всем пунктам, кроме одного, и сократил срок тюремного заключения до двух с половиной лет. В июле 1991 г. Палата лордов отказала ему в разрешении на жалобу в Палату.

22 декабря 1994 г. министр вернул дело заявителя и его соучастников в Апелляционный суд в свете вновь открывшихся обстоятельств. 27 ноября 1995 г. Апелляционный суд подтвердил свое прежнее решение, а 6 декабря 1995 г. отказался подтвердить значимость вновь возникших вопросов права, что было необходимо для обращения в Палату лордов.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 20 июля 1988 г., заявитель утверждал, что использование в его деле материалов инспекторов МТП лишило его права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 п. 1) жалобы. Жалоба была объявлена приемлемой 7 декабря 1993 г.

В своем докладе от 10 мая 1994 г. Комиссия выразила мнение, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции (четырнадцатью голосами против одного).

Дело было передано в Суд 9 сентября 1994 г. Европейской Комиссией, а 13 сентября 1993 г. — Правительством Соединенного Королевства.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1

59. Заявитель утверждал, что он был лишен “справедливого разбирательства” в нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции, которая в соответствующих местах гласит:

“Каждый человек имеет право... при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое... разбирательство... независимым и беспристрастным судом...”

Комиссия нашла, что такое нарушение имело место; это оспаривалось Правительством.

А. Право не свидетельствовать против себя

1. Доводы выступавших в Суде

(а) Заявитель

60. Заявитель жаловался на то обстоятельство, что показания, данные им под принуждением инспекторам, назначенным Министерством торговли и промышленности (МТП) (см. п. 18 выше), не могли быть признаны допустимыми обвинительными доказательствами в его уголовном процессе.

Он утверждал, что право на справедливое разбирательство, гарантированное статьей 6 п. 1, подразумевает, как это было признано Судом (в решениях по делу Функе от 25 февраля 1993 г. Серия А, т. 256-А, с. 22, п. 44, и Джона Мурри от 8 февраля 1996 г. Серия А, 1996-I, с. 49, п. 45), право индивида не быть вынужденным давать изобличающие его показания, используемые затем против него в суде. Этот принцип тесно связан с пре-

зумпцией невиновности, которая специально гарантирована статьей 6 п. 2 Конвенции, признана Судом Правосудия Европейских сообществ в деле Оркем против Комиссии (дело № 374/87, *European Court Reports*, 3283), и другими судами. Этот принцип должен в равной мере применяться ко всем обвиняемым, независимо от характера выдвинутых против них обвинений или уровня их образования и интеллектуального развития. Отсюда следует, что использование обвинением протоколов опросов, проведенных инспекторами в последующем судебном процессе, противоречит статье 6.

61. Более того, заявитель утверждает, что такое использование протоколов было особенно несправедливым в его случае, так как для Апелляционного суда они «составили существенную часть материалов обвинения». На чтение перед присяжными отрывков из его ответов на вопросы инспекторов было потрачено три дня, прежде чем он смог дать соответствующие разъяснения по поводу этих документов. В результате он был подвергнут интенсивному перекрестному допросу, касавшемуся якобы имевших место несообразностей между его устными показаниями на суде и его ответами на вопросы упомянутых инспекторов, к которым судья привлек внимание присяжных в своем напутственном слове. Таким образом задача обвинения была облегчена, так как оно могло противопоставить его собственные показания тем конкретным оправданиям, которые ранее были даны г-ном Саундерсом инспекторам.

(b) Правительство

62. Правительство утверждало, что только показания, подтверждающие виновность подпадают под привилегию отказа от дачи показаний против самого себя. Однако ответы, подтверждающие невиновность, или такие, которые, если они окажутся правдивыми, подтвердят или усилят аргументацию защиты обвиняемого сюда не относятся. Но сам заявитель, ни Комиссия ни на одной стадии рассмотрения дела не указали такие ответы инспекторам МТП, которые носили бы характер самообвинения. Из привилегии защиты от самообвинения нельзя вывести право отказа обвиняемого от дачи показаний, необходимых по делу. Именно на таком производном праве настаивает заявитель.

Правительство согласно, что при рассмотрении уголовного дела обвинение или суд не вправе заставлять обвиняемого выступать в качестве свидетеля или отвечать на заданные ему вопросы, и что нарушение этого принципа по всей вероятности может привести к тому, что обвиняемый будет лишен справедливого разбирательства. Однако рассматриваемая привилегия не является абсолютной и неизменной. Суды ряда стран (Норвегии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Соединенных Штатов Америки) разрешают требовать в принудительном порядке показания при расследовании случаев корпоративного или финансового мошенничества и их последующее использование в уголовном процессе для сопоставления с устными показаниями обвиняемого и свидетелей. Данная привилегия не означает также, что обвинению никогда не позволено использовать в качестве доказательств показания, документы или других свидетельства, полученные в принудительном порядке. Примеры подобного дозволенного использования включают право обвинения изымать документы на основании постановления об обыске или брать на анализ кровь или мочу для получения данных, имеющих доказательственную силу.

63. По мнению Правительства из решения Суда по делу Функе (на него делается ссылка в п. 60) было бы неправильно делать вывод о существовании широко понимаемого принципа “право на молчание”; так как природа этого права не определена в судебном решении. Из статьи 6 не следует абсолютное правило, согласно которому всякое использование показаний, полученных в обязательном — принудительном порядке, автоматически делает разбирательство по уголовному делу несправедливым. В этом отношении необходимо принимать в расчет все обстоятельства дела, включая многочисленные процессуальные гарантии, заложенные в систему. Например, на стадии проводимого инспекторами расследования несправедливость предостерегается благодаря тому, что инспекторы независимы и подконтрольны суду, что лицо, которое они опрашивают, вправе давать показания в присутствии адвоката, что ему предоставляется запись его ответов, куда он может вносить коррективы или пояснения. Более того, в ходе любого последующего судебного процесса, подсудимый, который вынужден давать ответы инспекторам, защищен полномочиями суда исключать из рассмотрения такие доказательства, которые являются ненадежными или были получены путем принуждения. У суда имеются дискреционные полномочия исключать и другие показания, если их допущение могло бы оказать отрицательное воздействие на справедливость разбирательства (см. п. 51—52 выше).

64. Правительство далее подчеркнуло, что, хотя интересы лица не следует упускать из виду, существует также и общественный интерес в том, чтобы компании действовали честно, а также в эффективном судебном преследовании тех, кто замешан в сложных корпоративных обманах. Этот публичный интерес требует от тех, кто находится под подозрением, отвечать на вопросы инспекторов, и предоставить органам преследования полномочия, дающие возможность опереться на полученные таким образом ответы в последующем уголовном процессе. В этом отношении надлежит проводить различие между мошенничеством в корпоративном бизнесе и другими типами преступлений, так как сложная структура корпораций, подставные компании, многоходовые финансовые сделки и фальшивые бухгалтерские записи могут быть использованы для того, чтобы скрыть присвоение фондов корпорации или личную ответственность за совершение подобных неправомερных действий. Нередко письменных документов о подобных сделках бывает недостаточно либо в них невозможно разобраться без пояснений со стороны заинтересованных лиц. Более того, не следует забывать о типе личности, опрашиваемой инспекторами, это вероятнее всего будет искушенный бизнесмен, имеющий доступ к услугам юридических экспертов, который умело использует возможностями, открываемыми ограниченной ответственностью и тем что его правовой статус не связан с правовым статусом общества.

(с) Комиссия

65. Комиссия полагала, что привилегия, не свидетельствовать против самого себя служит важным элементом защиты индивида от давления и принуждения; она тесно связана с презумпцией невиновности и должна в равной мере применяться ко всем обвиняемым, включая тех, кто предположительно совершил сложные обманные действия в корпоративном бизнесе. В настоящем деле изобличающие моменты, основанные на данных, которые вынужден был предоставить заявитель, составляли весьма значительную часть доказательств против него в суде, так как они содержали

признания, которые, по всей видимости, вынудили его дать показания на суде и в качестве свидетеля. Использование этих показаний приняло, таким образом, характер давления и существенно помешало г-ну Саундерсау защищаться от предъявленных ему уголовных обвинений, лишив его тем самым справедливого разбирательства.

Во время слушаний в Суде представитель Комиссии подчеркнул, что даже твердое отрицание вины в ответах на вопросы о виновности может быть уличающим и нанести большой вред подсудимому. Так и случилось в настоящем деле, где его ответы были использованы против него в судебных прениях, а также во время перекрестного допроса, направленного на то, чтобы показать, что ответам, данным им инспекторам, нельзя верить и что заявитель бесчестный человек.

(d) *Amicus curiae*

66. Сославшись на некоторые международные договоры о правах человека и действующее право многих государств-участников, *Liberty* считала нужным, чтобы Суд установил, что статья 6 препятствует получению от лица обвинительных свидетельских показаний против себя самого, добытых при помощи угрозы судебных санкций, а также их использованию в уголовном процессе.

2. Оценка Суда

67. Суд прежде всего отмечает, что жалоба заявителя ограничивается использованием в суде показаний, полученных от него инспекторами МТП. Административное расследование может повлечь за собой “уголовное обвинение”, с учетом его автономного толкования Судом. Однако в данном деле не был поставлен вопрос о применении статьи 6 п. 1 к процессуальным действиям инспекторов или о том, что сама административная процедура означала предъявление уголовного обвинения в смысле статьи 6 п. 1 (см. *inter alia* судебное решение по делу Девеера от 27 февраля 1980 г. Серия А, т. 35, с. 21—24, п. 42—47). В этом отношении Суд напоминает о своем решении по делу *Файед против Соединенного Королевства*, где он решил, что функции, выполняемые инспекторами на основании статьи 432 п. 2 Закона о компаниях 1985 г., носят главным образом расследовательский характер и не являются судебными ни по форме, ни по существу. Их цель состоит в установлении и фиксации фактов, которые могут в последующем быть использованы в качестве основы для действий других компетентных органов — следственных, распорядительных, дисциплинарных и даже законодательных (судебное решение от 21 сентября 1994 г. Серия А, т. 294-В, с. 47, п. 61). Требование, чтобы такое предварительное расследование велось с соблюдением гарантий судебной процедуры, установленной статьей 6 п. 1, привело бы на практике к появлению чрезмерных препятствий для эффективного регулирования в общественных интересах сложной финансовой и коммерческой деятельности (там же, п. 61).

Соответственно, основным для Суда по настоящему делу является вопрос об использовании соответствующих показаний заявителя в уголовном процессе.

68. Суд напоминает, что право на молчание и его составная часть право не давать показаний против самого себя в статье 6 Конвенции специально не упомянуты, но тем не менее они являются общепризнанными между-

народными нормами, которые лежат в основе понятия справедливой процедуры, о которой говорит статья 6. Их смысл *inter alia* в защите обвиняемого от злонамеренного принуждения со стороны властей, что помогает избежать судебных ошибок и добиться целей, поставленных статьей 6 (см. упомянутые выше судебные решения по делу Джона Мурри и делу Функе). В частности, это право способствует тому, чтобы обвинение не прибегало к доказательствам, добытым вопреки воле обвиняемого с помощью принуждения или давления. В указанном смысле это право тесно связано с презумпцией невиновности, содержащейся в п. 2 статьи 6 Конвенции.

69. Право не свидетельствовать против самого себя — это в первую очередь право обвиняемого хранить молчание. Как принято считать в правовых системах государств — участников Конвенции и в других странах, данное право не распространяется на использование в уголовном процессе материалов, которые могут быть получены от обвиняемого независимо от его воли принудительным, как то *inter alia* изъятие по предписанию документов, получение образцов крови, мочи и кожного покрова для проведения анализа ДНК.

В данном случае Суд призван решить, равносильно ли неоправданному нарушению права обвиняемого на молчание использование обвинением показаний, полученных инспекторами от заявителя. Этот вопрос должен быть рассмотрен Судом в свете всех обстоятельств дела. В частности, следует установить, подвергался ли заявитель принуждению свидетельствовать и привело ли использование полученных таким образом свидетельских показаний в суде к нарушению основополагающих принципов справедливого разбирательства, по статье 6 п. 1, составным элементом которого является рассматриваемое право.

70. Правительством не оспаривалось, что заявитель был юридически вынужден дать свидетельские показания инспекторам. В соответствии со статьями 434 и 436 Закона о компаниях 1985 г. (см. п. 48—49 выше) он обязан был отвечать на вопросы, поставленные ему инспекторами в ходе девяти продолжительных опросов, семь из которых были использованы в качестве доказательств в суде. Отказ заявителя ответить на заданные ему в суде вопросы мог бы привести к признанию его виновным в неуважении к суду, что наказывается штрафом или тюремным заключением сроком до двух лет (см. п. 50 выше), и такой отказ нельзя было защитить ссылкой на то, что вопросы носили инкриминирующий характер (см. п. 28 выше).

Однако Правительство подчеркнуло в Суде, что из сказанного заявителем в ходе опросов ничто не носило характера самообвинения и что он давал лишь пояснения, свидетельствующие в его пользу, или такие ответы, которые, если они соответствуют действительности, подтверждали линию его защиты. Согласно представлению Правительства, только показания, свидетельствующие против обвиняемого, подпадают под действие привилегии.

71. Суд не приемлет этот аргумент Правительства: некоторые из ответов заявителя фактически носили обвинительный характер, поскольку в них констатировались факты, способствующие его обвинению (см. п. 31 выше). В любом случае, принимая во внимание понятие справедливости в смысле статьи 6, право не свидетельствовать против себя не может быть разумно ограничено лишь признанием в совершении правонарушения или показаниями, прямо носящими инкриминирующий характер. Свидетельские показания, полученные с помощью принуждения, которые внешне не выглядят

инкриминирующими — такие как оправдательные замечания или просто информация по фактам, — могут быть в последующем развернуты в ходе уголовного процесса в поддержку обвинения, например, чтобы противопоставить их другим заявлениям обвиняемого или подвергнуть сомнению свидетельские показания, данные им в ходе рассмотрения дела в суде, либо иным образом подорвать доверие к нему. Там, где все это оценивается судом присяжных, использование таких свидетельских показаний может быть особенно пагубно. Отсюда следует, что существенным в данном контексте является именно использование принудительно полученных доказательств в судебном процессе.

72. В этом отношении Суд отмечает, что часть протоколов с ответами заявителя, зачитывалась адвокатом обвинения присяжным на протяжении трех дней, несмотря на возражения заявителя. То обстоятельство, что эти материалы использовались столь широко, наводит на мысль, что обвинение, вероятно, было уверено, что чтение протоколов служит подтверждению нечестности г-на Саундерса. Такое толкование этого запланированного воздействия подтверждается замечаниями, сделанными судьей, на стадии *voir dire* процесса в отношении восьмого и девятого протокола опроса. Судья заметил, что показания заявителя могут быть поняты как своего рода “признание” для целей статьи 82 п. 1 Закона о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 г. (см. п. 53 выше). Аналогично Апелляционный суд полагал, что протоколы опроса составляли “существенную часть” доказательств обвинения против заявителя (см. п. 40 выше). Более того, были очевидные случаи, когда протоколы использовались обвинением, чтобы уличить заявителя в том, что он знал о платежах лицам, участвующим в операции по игре на повышение стоимости акций, и поставить тем самым под вопрос его честность. Они использовались также адвокатом соучастника заявителя для того, чтобы поставить под сомнение версию событий, предложенную заявителем (см. п. 32 выше).

В общем имеющиеся в распоряжении Суда доказательства подтверждают, что зафиксированных в протоколах опросов ответы заявителя, независимо от того, носили ли они прямо характер самообвинения или нет, были использованы в ходе судебного процесса таким образом, чтобы изобличить заявителя.

73. Заявитель как и Комиссия настаивает, что содержащиеся в опросах признания должны были оказывать на него дополнительное давление, вынуждая давать показания в суде, а не использовать свое право сохранять молчание. Однако, по мнению Правительства, заявитель предпочел дать показания вследствие дискредитирующих его заявлений, которые сделал главный свидетель обвинения г-н Ру.

Хотя нельзя исключить, что одной из причин, повлиявших на это решение, было широкое использование опросов обвинением, Суд не считает необходимым строить предположения по поводу того, почему заявитель предпочел дать показания при рассмотрении его дела в суде.

74. Суд также не находит нужным, с учетом вышеприведенной оценки использования опросов в ходе судебного процесса, выносить решение о том, носит ли право не давать показаний против самого себя абсолютный характер либо отступления от него могут в особых обстоятельствах быть оправданны.

Он не приемлет довода Правительства, что сложность обманов и обходов закона в корпоративном бизнесе и насущный общественный интерес в

расследовании таких преступлений и наказаний виновных, могут оправдать столь явный отход, деле, от одного из основополагающих принципов справедливого судебного разбирательства, что и случилось в данном. Как и Комиссия, он считает, что общие требования справедливости, содержащиеся в статье 6, включая право не давать показания против самого себя, применяются в уголовном процессе в отношении всех уголовно-наказуемых деяний, без какого-либо различия между самыми простыми и самыми сложными. Нельзя ссылаться на общественный интерес в оправдание использования ответов, добытых принудительным путем в ходе внесудебного расследования, для того чтобы изобличить обвиняемого в ходе судебного разбирательства. Примечательно в этом отношении, что, согласно соответствующему законодательству, показания, полученные принудительные в силу полномочий, которыми наделен по борьбе с корпоративными правонарушениями, по общему правилу не могут быть использованы затем в судебном процессе и не потому, что, эти показания были даны заявителем до предъявления ему обвинения.

75. Из вышеприведенного анализа, а также того факта, что статья 435 § 5 Закона о компаниях 1985 г. разрешает, как было отмечено судьей в первой инстанции и Апелляционным судом, последующее использование в уголовном процессе показаний, полученных инспекторами, следует что различные процессуальные гарантии, на которые ссылается государство-ответчик (см. п. 63 выше), не является средством защиты в настоящем случае, так как они не могли воспрепятствовать использованию таких показаний в последующем уголовном процессе.

76. Соответственно, в настоящем случае имело место нарушение права не свидетельствовать против самого себя.

В. О предполагаемом злоупотреблении органами обвинения своими полномочиями

77. Заявитель жаловался также, что органы обвинения умышленно задержали начало проведения полицейского расследования, для того чтобы дать инспекторам возможность собрать доказательства на основе их особых полномочий. Он ссылался на состоявшуюся 30 января 1987 г. встречу между инспекторами и представителями прокуратуры (см. п. 23 выше), которая состоялась за три месяца до формального открытия полицейского расследования (см. п. 26 выше). Кроме того, документы, преданные огласке (см. п. 39—44), показывают, как отметил Апелляционный суд, что “все заинтересованные стороны сознавали, что у инспекторов, когда они ведут опрос, полномочия больше, чем у полиции, и откровенно надеялись, что инспекторам удастся получить ответы... которые можно было бы использовать в качестве доказательства в суде”.

Заявитель полагал, что тому обстоятельству, что Апелляционный суд не нашел здесь процессуальных злоупотреблений, не будет придано решающее значение, поскольку внутренний суд не может применять Конвенцию и, связанный положениями английского права, обязан прийти к выводу, что использование записей инспекторских опросов в суде было правомерным.

78. Правительство подчеркнуло, что заявитель уже пытался безуспешно оспорить этот вопрос в Апелляционном суде (см. п. 43 выше) и, поднимая его вновь в Страсбурге, он пытается использовать настоящий Суд

как четвертую инстанцию вопреки сложившейся правоприменительной практике Суда.

79. Комиссия не нашла необходимым рассматривать данный вопрос, поскольку ею было установлено, что заявитель был лишен справедливого судебного разбирательства по причине использования протоколов в ходе слушания дела.

80. В свете уже вынесенного им решения о нарушении права не свидетельствовать против себя, Суд не считает необходимым рассматривать утверждения заявителя по этому вопросу. Однако он отмечает, что Апелляционным судом установлено, что инспекторы вели свое расследование самостоятельно, не получая информации или подсказок от государственных органов преследования, и что между ними не было неподобающего или противозаконного сговора (см. п. 43 выше).

С. Вывод

81. Заявитель был лишен справедливого рассмотрения дела в суде и следовательно имеет место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции.

II. Применение статьи 50 Конвенции

82. Заявитель потребовал справедливого возмещения на основании статьи 50 Конвенции, которая гласит:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне.”

А. Ущерб

1. Имущественный ущерб

83. В представлении заявителя утверждалось, что обвинение против него столкнулось бы с серьезными трудностями, если бы не доказательства, представленные в суд в нарушение статьи 6. Он заявил о причинении ему имущественного ущерба в размере 3 668 181,37 фунта стерлингов. В данную претензию вошли суммы потерь в заработке по май 1995 г., расходы на транспорт и проживание, оплата услуг адвокатов (фирмы “Пейн Хикс Бич”) в отношении опросов у инспекторов и адвокатов (фирмы “Ландау и Ландау” в связи с *inter alia* уголовным судопроизводством.

Однако в ходе слушания дела в настоящем Суде заявитель согласился, что “подлинной компенсацией” было бы решение Суда в его пользу и последующее восстановление его доброго имени.

84. В представлении Правительства говорилось, что претензии заявителя в отношении имущественных потерь чрезмерны. В частности, в нем было указано, что г-н Саундерс не критиковал расследование, проведенное инспекторами как таковое, но тем не менее требовал возмещения понесенных им в связи с этим расходов на адвокатов. Относительно его требования

о потере заработка в представлении говорилось, что он был уволен “Гиннесс” после проведения компанией ее собственного расследования. Более того, после своего увольнения он получает пенсию от “Гиннесс” в размере 74 000 фунтов стерлингов в год, в дополнение к которым начиная с мая 1993 г. он зарабатывал порядка 125 000 фунтов в год как консультант по бизнесу.

85. Представитель Комиссии подчеркнул, что Комиссия установила факт нарушения статьи 6 п. 1, но от нее нельзя требовать предположений о вероятном исходе суда над г-ном Саундерсом, если бы указанные протоколы не были допущены в качестве доказательств.

86. Суд отмечает, что по настоящему делу было установлено нарушение в отношении уголовного процесса против заявителя, а не расследования инспекторами, жалоб на которое не было. Более того, он не может строить предположений по вопросу о том, был бы исход суда другим, если бы обвинение не использовало указанные протоколы (см. *mutatis mutandis* судебное решение по делу Джона Мурри, упомянутое выше в п. 68, п. 56), и так же, как и Комиссия, подчеркивает, что из установления факта нарушения Конвенции не следует каких-либо выводов по этому вопросу.

Поэтому он считает, что не было установлено причинной связи между ущербом, на возмещение которого претендует заявитель, и установленным Судом фактом нарушения.

2. Моральный вред

87. Заявитель потребовал возмещения морального ущерба в размере 1 миллиона фунтов стерлингов в качестве компенсации за то, что он был лишен права на справедливое судебное разбирательство, и за вызванные этим тревогу, страдание и тюремное заключение.

88. Правительство утверждало, что компенсация по этому основанию не должна присуждаться.

89. Суд полагает, что с учетом обстоятельств настоящего дела само установление факта нарушения представляет собой достаточное и справедливое возмещение в отношении всех видов понесенного морального ущерба.

В. Издержки и расходы

90. Заявитель потребовал 336 460,75 фунта стерлингов в возмещение издержек и расходов в связи с разбирательством дела в Страсбурге. Они состоят из (1) 82 284,50 фунта стерлингов, по оплате услуг адвокатов; (2) 42 241,25 фунта, по оплате услуг солиситоров; и (3) 211 935 фунтов по оплате услуг советников заявителя, г-на и г-жи Девлин.

91. Правительство считает требуемые суммы чрезмерными. В его представлении утверждается, в частности, что никакой компенсации за услуги г-на и г-жи Девлин присуждаться не должно, так как заявитель мог представить свое дело в Страсбурге, опираясь только на помощь опытного солиситора и основного адвоката.

92. У представителя Комиссии не было каких-либо комментариев по поводу этой суммы.

93. Суд не убежден, что суммы, истребуемые заявителем, были с необходимостью затрачены им или являются оправданными в количествен-

ном отношении. Принимая решение на справедливой основе, он присуждает 75 000 фунтов стерлингов по этому требованию.

С. Проценты за просрочку

94. Согласно имеющейся у Суда информации, установленные статутом процентные ставки, применяющиеся в Соединенном Королевстве на дату вынесения настоящего решения, составляют 8 % годовых.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* шестнадцатью голосами против четырех, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что установление факта нарушения представляет достаточное и справедливое возмещение в отношении всех видов понесенного морального вреда;

3. *Постановил* единогласно

(а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев 75 000 (семьдесят пять тысяч фунтов) стерлингов за понесенные издержки и расходы;

(b) что простые проценты из расчета 8 % в год должны будут выплачиваться по истечении вышеуказанного трехмесячного периода и так вплоть до урегулирования задолженности.

4. *Отверг* единогласно оставшуюся часть требования о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 17 декабря 1996 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рудольф Берхардт
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А, к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ УОЛША

Я полностью согласен с решением большинства за исключением оговорки, изложенной ниже в последнем абзаце.

Судебный процесс над заявителем следует рассматривать как противоречащий статье 6 п. 1 Конвенции. Он был несправедлив, поскольку часть доказательств, на которых основывалось его обвинение, была добыта благодаря самооговору со стороны свидетелюванию заявителя против самого себя причем не в результате его свободного, ничем не стесненного волеизъявления. Суд считает основополагающим право обвиняемого не быть обя-

занным или принужденным свидетельствовать против самого себя. Люди всегда свободны обвинять самих себя, когда, делая это, они осуществляют свою собственную волю; но это существенно отличается от ситуации, когда в ходе рассмотрения уголовного дела лицо вынуждают быть свидетелем по делу против самого себя. То, что г-н Саундерс оказался в такой ситуации является следствием осуществления особых полномочий, которыми по действующему английскому законодательству наделены инспекторы. Как было сказано однажды в английском суде, они пользуются данными им законом инквизиционными полномочиями, что отличается от отправления правосудия. Важно иметь в виду, что данный случай касается не только правил представления доказательств, но затрагивает само существование основополагающего права защиты от принудительного свидетельствования против самого себя, что признается в качестве основополагающего права и настоящим Судом. Эта защищающая от самообвинения привилегия, по всей вероятности, хорошо известна тем, кто следит за судебной практикой США, так как она является одной из самых широко известных и обсуждаемых гарантий личной свободы, закрепленной в Билле о правах и инкорпорированной в Конституцию Соединенных Штатов, в пятой поправке к ней.

Право на защиту от принудительной дачи показаний против самого себя является не просто правом отказаться свидетельствовать в суде, но должно также применяться и в отношении органов, наделенных по закону следственными полномочиями; это право отказаться отвечать на вопросы, которые открывают обвинительную линию в следствии. Семена этой привилегии были посеяны в общее право Англии еще в XIII веке, когда английские церковные суды начали применять по отношению к подозреваемым в ереси то, что получило название “клятвы *ex officio*”. Практика, которая позволяла допрос подозреваемого, который поклялся говорить правду, была весьма революционна для своего времени, так как она заменяла метод установления вины при помощи процедуры, известной как ордалия, или очистительной клятвы. Ордалия была не пыткой с целью добиться признания, а самой процедурой, результат которой определял виновность или невиновность. Очистительная клятва была ритуальной клятвой о невиновности, которую произнесил подозреваемый. Если он при этом запинался, то в этом усматривался промысел божий, свидетельствующий о его виновности.

К сожалению, различные церковные суды, занимаясь усердным поиском ереси, злоупотребляли новой системой — клятвой *ex officio*. Она применялась без какого-либо учета того, есть ли вероятность полагать обвиняемого виновным, и рассматривалась таким образом как очень удобный инструмент беспрепятственного расследования всех обстоятельств жизни обвиняемого. К XVI и XVII векам в Англии клятва *ex officio* использовалась даже Звездной палатой, чтобы выявить тех, кто осмеливался критиковать короля. Оппозиция клятве получила столь широкое распространение, что из нее постепенно выросла доктрина общего права о том, что человек имеет право отказаться свидетельствовать против самого себя не только в отношении особого рода процедур, о которых здесь говорилось, но также в ходе эволюции общего права в обычных уголовных процессах. Принцип гласил: “превращать нельзя в орудие своего собственного осуждения”.

В американских колониях эта привилегия была воспринята с особым жаром по причине злоупотреблений, творимых колониальными губернаторами при допросах, и перед американской войной за независимость в семи

различных штатах она уже была включена в их Конституции или билли о правах. В частности, она налагала полезные ограничения на полномочия колониальных губернаторов производить допрос лиц, подозреваемых в нарушении английского торгового права, в особенности, в части реализации торговых ограничений, включая контрабанду, которая была весьма популярным занятием. Привилегия, защищающая от обязательной дачи показаний против самого себя, предоставлялась свидетелю при проведении общего расследования комиссией исполнительной или законодательной власти; она служила весьма полезным тормозом, сдерживавшим использование неограниченных полномочий по расследованию, которыми наделялись некоторые такие органы. Она гарантировала также от того, чтобы справедливость процедур не нарушалась в органах следствия до того как дело попадет в суд.

Расследования, где эта привилегия играет особенно большую роль это такие расследования, которые проводятся правительственными исполнительными агентствами или подобными им органами и допросы подозреваемого проводятся полицией или агентами государства до начала процесса в суде. Следователи, очень быстро выяснили, что от привилегии, защищающей от самообвинения, мало толку или смысла, если заставить человека все рассказать властям до суда. По моему мнению, эта привилегия значительно шире, чем право не говорить о том, что свидетельствует в пользу осуждения. Логически она должна охватывать все ответы, которые представляют связующее звено в цепи доказательств, необходимых обвинению, чтобы добиться осуждения. Эта привилегия должна действовать и тогда, когда из самого вопроса из контекста, в котором он задан, очевидно, что развернутый ответ или объяснение, почему ответа не будет, может также оказаться опасным, поскольку он чреват разглашением нежелательной информации. Вопрос о привилегии не свидетельствовать против самого себя, многократно затронут в решениях Верховного суда США и в других высоких судебных инстанций страны. Существенным в контексте настоящего дела является то, что, как и многие другие положения Билля о правах, эта привилегия, в значительной мере произошла от английского общего права, применявшегося в американских колониях до независимости.

Уместно вспомнить, что при подготовке проекта Европейской Конвенции британские представители энергично подчеркивали, что в английских судах общего права уже предоставляется не меньше гарантий защиты основополагающих прав, чем в судах других стран. В США благодаря существованию Билля о правах как части Конституции стало возможным гарантировать преемственность мер защиты и привилегий, заимствованных из английского общего права, на таком уровне, который не может быть достигнут в Англии без принятия там аналогичных конституционных положений. Другие страны общего права также сохранили некоторые права, свойственные системе общего права, инкорпорировав их в писаные Конституции, как было сделано в моей стране, где они вошли в Конституцию Ирландии.

Я должен добавить, что мое голосование по вопросу о применении статьи 50 не должно рассматриваться как согласие с тем, что в свете решения Суда не возникает проблем, связанных с присуждением заявителю определенной компенсации от национальных властей за время, в течение которого он был лишен личной свободы в результате осуждения. Однако следует иметь в виду, что за последние годы суды в Соединенном Королев-

стве в нескольких случаях присуждали компенсацию или возмещение ущерба лицам, чей обвинительный приговор был пересмотрен, если осуждение было получено благодаря использованию или не использованию некоторых доказательств в суде, которых в зависимости от обстоятельств дела было достаточно, чтобы усомниться в приговоре суда. Их можно попросить сделать это и в настоящем случае. Более того, в английском статутном праве имеются законодательные акты, которые запрещают разглашение информации о правонарушениях или препятствуют использованию таких материалов для обвинения в столь разных случаях, как дела о банкротстве, о неправомерном присвоении чужого имущества, о коррупции, о незаконной практике подделки завещания, присвоении статуса собственника и т. п. Нынешние статутные положения, приведшие к появлению настоящего дела, являются постконвенционным конституционным отходом от общего права Англии, а также от принципов, изложенных в различных статутах, на которые здесь делалась ссылка.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕ МЕЙЕРА

Хотя я и поддерживаю выводы настоящего судебного решения, у меня имеются серьезные оговорки, касающиеся рассуждений Суда в п. 67, которые, по-видимому, подразумевают, что разбирательство, проведенное инспекторами МТП на основании Закона о компаниях 1985 г., может быть отделено от процедуры предъявления “уголовного обвинения”¹.

В статье 434 § 5 данного Закона говорится, что “ответ, даваемый лицом на поставленный перед ним вопрос, в осуществление полномочий, предоставленных настоящей статьей, может быть использован в качестве доказательства против него”².

Отсюда со всей ясностью следует, что в целях обвинения не существует практической разницы между информацией, добытой инспекторами, и информацией, полученной служащими полиции или судом в ходе самого уголовного судопроизводства в строгом смысле слова. В созданной данным законодательным актом системе каждая из этих категорий информации является частью доказательств, которые должны быть приняты во внимание при предъявлении уголовного обвинения, и, таким образом, “административное” или “предварительное следствие”³, выполненное инспекторами, фактически является частью уголовного процесса.

Поэтому право на молчание и право не давать показаний против самого себя должно применяться также и к этому предварительному следствию. Эти права проигнорированы в самом Законе 1985 г., так как статья 434 делает ответы на вопросы инспекторов обязательными⁴, а статья 436 предусматривает наказание тех, кто отказывается отвечать на них⁵.

¹ См. п. 67 судебного решения.

² См. п. 48 судебного решения.

³ См. п. 67 судебного решения.

⁴ См. п. 48 судебного решения.

⁵ См. п. 49, 50 судебного решения.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МОРЕНИЛЛЫ

Я разделяю вывод большинства, что заявитель был лишен права на справедливое разбирательство в суде по причине того обстоятельства, что его право не давать показаний против самого себя было нарушено.

Однако для достижения данного вывода большинству не требовалось устанавливать широкого или иного использования показаний заявителя в ходе рассмотрения дела в суде. Я не могу подписаться под таким подходом. Для меня сам факт того, что показания заявителя были получены под принуждением и рассматривались обвинением как инкриминирующие, а значит, способные усилить позиции обвинения в суде, является достаточным основанием для отказа от рассмотрения этих показаний в суде. Заявитель был вынужден давать показания инспекторам МТП в ходе разбирательства. Если бы он отказался дать свидетельские показания в ходе административного производства, он был бы подвергнут санкциям, предусмотренным статьей 436 Закона о компаниях 1985 г. (см. п. 49). Таким образом, Закон принуждал его активно содействовать подготовке дела, которое было возбуждено против него впоследствии. В подобных обстоятельствах, по моему мнению, нет оснований для анализа удельного веса добытого таким путем обвинительного материала или того как он использовался во время суда. Сам факт того, что данные показания были допущены в качестве доказательства против него в суде, подрывает самую суть права заявителя не свидетельствовать против самого себя, права, которое большинство совершенно справедливо считает сердцевиной справедливого судебного разбирательства (см. п. 68).

В пункте 67 решения большинство ссылается на более раннее решение Суда по делу *Файед против Соединенного Королевства*, где сказано, что цель следственных действий, таких как рассматриваемое здесь, заключается “в установлении и фиксации фактов, которые могли бы в последующем быть использованы в качестве основы для действий других компетентных органов — обвинительных, распорядительных, дисциплинарных и даже законодательных”. Хотел бы подчеркнуть, что с этим выводом следует обращаться очень осторожно, особенно в том, что касается выдвижения обвинений. Хотя и будучи согласен с большинством в том, что показания, данные индивидом под принуждением во время проведения подобного следствия, могут быть использованы в качестве основы для дальнейших действий, в том числе и судебного преследования, я хотел бы подчеркнуть, что это не означает, что они могут быть допущены в качестве доказательства против него в последующем уголовном процессе.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ РЕПИКА

Поддерживая постановление Суда в том, что имело место нарушение статьи 6 п. 1, я в то же время не могу согласиться с формулировкой первого подпункта п. 67 судебного решения в той мере, в какой оно предполагает, что статья 6 п. 1 Конвенции не применяется в отношении производства, которое ведут инспекторы МТП.

В контексте настоящего судебного решения этот пассаж выглядит излишним. Этот вопрос сторонами не поднимался (см. первое предложение первого подпункта п. 67), а Суд заявил, что его единственной заботой является “использование соответствующих показаний заявителя в уголовном процессе” (п. 67 судебного решения, второй подпункт). Если бы затрагиваемый пассаж был просто излишним, то его можно было бы оставить в покое и просто игнорировать, исходя из принципа *superfluum non nocet*.

Однако похоже, что Суд решил проблему, ограничившись краткой ссылкой на судебные решения по делам *Девеер против Бельгии* и *Файед против Соединенного Королевства* и не приняв во внимание то обстоятельство, что проблема, подлежащая решению, отличается от тех, что возникли в связи с этими двумя делами, и не выдвинув никаких аргументов, способных обосновать его позицию. Вопрос не в том, обладали ли инспекторы полномочиями для предъявления уголовного обвинения. Вопрос о применимости статьи 6 п. 1 в сфере уголовного права, отличной от сферы гражданского права, как в судебном решении по делу Файеда. Инспекторам нет необходимости обладать правом принятия решений; достаточно того, что они обладают полномочиями по совершению следственных действий ведущих к уголовному обвинению. Наделение административных органов полномочиями по проведению расследования на досудебной стадии уголовного производства не так уж редко, особенно в финансовом секторе. Предположительно в соответствии с внутренним правом разбирательство, проводимое инспекторами, не является частью уголовного судопроизводства, но вопрос состоял в том, касалось ли оно уголовного обвинения в автономном значении этого выражения в смысле статьи 6. В данном случае нет ясности, что ответом на вопрос будет “нет”, если принимать в расчет следующие обстоятельства:

(i) самое позднее к 12 января 1987 г. в распоряжении инспекторов были конкретные доказательства совершения преступлений (см. п. 20 решения);

(ii) уже 30 января 1987 г. заявитель был идентифицирован в качестве одного из подозреваемых в совершении этих преступлений (см. п. 23 решения);

(iii) на совещании 25 февраля 1987 г., на котором присутствовали представители следственных органов, было решено начать проведение полицейского расследования, так как был установлен факт обмана. Однако было решено задержать начало расследования, поскольку у полиции, в отличие от инспекторов, было мало шансов получить полезные свидетельские показания от потенциальных обвиняемых (см. приложение А к памятной записке Правительства, полученной секретариатом 22 января 1996 г.).

В своих особых мнениях судьи Де Мейер и Мартенс придерживаются совершенно противоположной точки зрения по вопросу о применимости статьи 6 к ведению производства инспекторами.

Поскольку Суд взял на себя смелость решить этот вопрос — хотя для вынесения судебного решения в этом не было необходимости, — ему следовало бы дать аргументированный ответ, а не просто сослаться на свое решение по делу Файеда.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПЕТТИТИ

Я согласен с мнением г-на Репика.

Однако я полагаю, что в отношении воздействия расследования проведенного инспекторами на судебное разбирательство следует учитывать различные категории следственных действий и влияние полученной информации на само судебное разбирательство.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ВАЛЬТИКОСА И ПРИСОЕДИНИВШЕГОСЯ К НЕМУ СУДЬИ ГЁЛЬКЮКЛЮ

В ходе эволюции уголовного процесса, с тех времен, когда признание было решающим доказательством и целью допроса, а инквизиционная процедура и в самом деле была, как правило, предпочтительным средством получения признания — и когда в результате термин “допрос” стал синонимом слова “пытка”, — мы достигли другой крайности, а именно права не свидетельствовать против самого себя. Однако возможны расхождения по поводу пределов действия данного принципа.

Как указал Суд, Правительство в своем представлении утверждало, что право не свидетельствовать против самого себя не является ни абсолютным, ни неизменным, и в особенности это применимо к расследованию случаев экономических и финансовых правонарушений, которые носят особенно сложный характер. Использование права сохранять молчание или не свидетельствовать против самого себя, может вызвать подозрения, но конечно, не может рассматриваться как факт подразумеваемого признания. Но в данном случае спор идет не об этом.

Предмет спора в том, что инспекторы, действуя во исполнение Закона о компаниях 1985 г., задавали г-ну Саундерсу вопросы, на которые он обязан был отвечать, в противном случае он был бы осужден за неуважение к суду и приговорен к тюремному заключению. Однако Правительство в своем представлении утверждало, что ни одно из показаний, данных в то время, не инкриминировалось г-ну Саундерсу; они могли быть использованы в другом деле.

Однако нельзя терять чувство соразмерности и не учитывать в определенной мере приоритеты. В своем расходящемся мнении судья Мартенс излагает этот момент очень убедительно, и я с ним согласен. Стремление поднять до статуса абсолютной нормы право лиц, подозреваемых в совершении уголовно наказуемых правонарушений, в том числе и серьезных преступлений, не свидетельствовать против самих себя и не отвечать на любой вопрос, ответ на который мог бы свидетельствовать о виновности, означало бы во многих случаях, что общество осталось бы полностью беззащитным перед лицом все более непростых манипуляций в мире коммерции и финансов, которые достигли невиданной ранее степени сложности. Защита невиновных не должна вести к безнаказанности тех, кто виновен. В разрешении данной дилеммы, по поводу которой даются комментарии с древнейших времен и часто существенно различные, есть место и для следования разумным средним курсом. В данной области, как и во многих других, ощущение соразмерности должно служить руководящим правилом.

В заключение я считаю, что в данном случае нарушение статьи 6 п. 1 не имело места.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАРТЕНСА И ПРИСОЕДИНИВШЕГОСЯ К НЕМУ СУДЬИ КУРИСА

1. ВВЕДЕНИЕ

А

1. Я не смог убедить себя, что в данном случае Соединенное Королевство нарушило права г-на Саундерса, вытекающие из статьи 6 Конвенции. Решение настоящего Суда не убедило меня в этом также.

2. Проблема, конечно трудная, но касается очень важного вопроса, не просто спорного, но и вызывающего бурные эмоции.

Исходя из предположений, что “право на молчание” и “привилегия не свидетельствовать против себя” не являются абсолютными (см. п. 7—12 ниже), а подобно другим правам, использование; предположив далее, что подобные ограничения могут не приниматься в расчет, если они не установлены законом, не преследуют правомерную цель и соразмерны с ней¹; мы оказываемся перед вопросом: были ли выполнены эти требования в данном случае?

3. В отличие от большинства я пришел к выводу, что на этот вопрос следует ответить положительно. Для того чтобы прояснить эту точку зрения, я считаю необходимым начать с нескольких общих соображений в отношении обоих спорных иммунитетов.

В

4. В своем решении от 8 февраля 1996 г. по делу *Джон Мурри против Соединенного Королевства* (Reports, 1996-I, п. 45, с. 49) Суд провозгласил, что понятие справедливого разбирательства в соответствии со статьей 6 Конвенции включает два иммунитета: “право сохранять молчание” и “привилегию не свидетельствовать против себя”.

Формулировка этого пункта в деле Мурри — особенно если сравнивать ее с п. 44 судебного решения по делу Функе от 25 февраля 1993 г. (Серия А, т. 256, с. 22, п. 44) — ясно дает понять, что, по мнению Суда, речь идет о двух отдельных иммунитетах. Однако с теоретической точки зрения представляется очевидным, что право защищающее от самообвинения (проще говоря, право не предоставлять доказательства против самого себя) является более широким, охватывающим право на молчание (проще говоря, право не отвечать на вопросы).

Настоящее судебное решение делает менее очевидным, что Суд в самом деле проводит такое различие. Я вернусь к этому аспекту настоящего судебного решения позднее (см. п. 12 ниже). Пока достаточно отметить, что, по моему мнению, здесь затронуты два самостоятельных, но взаимосвязанных права, из которых право, защищающее от самообвинения, как я уже указывал, является более широким.

¹ См. судебное решение по делу Ашингдейн от 28 мая 1985 г. Серия А, т. 93, с. 24—25, п. 57; и мое совпадающее мнение в судебном решении по делу Де Жуффре де ла Прадель от 16 декабря 1992 г. Серия А, т. 253-Б.

5. В пункте 45 судебного решения по делу Мурри Суд отметил далее, что эти права в статье 6 специально не упомянуты.

Кроме того, конечно, ему было известно, что Всеобщая декларация прав человека не говорит об этих правах и что Международный пакт о гражданских и политических правах содержит только право “не быть принужденным к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным” (статья 14 п. 3 (g)). Тем не менее он чувствовал себя обязанным вынести постановление, как это указано в п. 4 выше, на основании того, что эти два иммунитета являются “*общепризнанными международными стандартами*”. Таким образом он дал, хотя и задним числом, определенное обоснование и пояснение своей позиции, сформулированной в пункте 44 вышеупомянутого судебного решения по делу Функе, которая подвергалась широкой критике по причине неясности и отсутствия обоснования.

6. В пункте 45 судебного решения по делу Мурри Суд взял на себя смелость углубиться в сложный и вызывающий оживленные споры вопрос об объяснении причин необходимости этих двух иммунитетов. Он утверждал, что:

“Предоставляя обвиняемому защиту от неподобающего принуждения со стороны государственных органов, эти иммунитеты помогают избежать судебных ошибок и реализовать цели статьи 6”.

С.

7. По делу Мурри я был на стороне большинства. Как отметил Суд, в данном деле решался вопрос о том, имеют ли указанные два иммунитета *абсолютный* характер. Я был и я все еще убежден, что отрицательный ответ на этот вопрос был правильным. Соответственно я не находил ни необходимым, ни уместным выражать свое несогласие с замечанием Суда, что эти два иммунитета “*лежат в основе* понятия справедливого разбирательства”. Но сейчас я полагаю, что это эмоциональное определение — которое повторено в п. 68 настоящего решения, несколько преувеличивает значимость обоих этих прав, и особенно привилегии не свидетельствовать против себя.

8. Я думаю, что исторически и то и другое право, рассматривались как отрицание старого инквизиционного представления, что признание является необходимым условием осуждения, а потому должно, в случае необходимости, быть вырвано силой. Таким образом, эти иммунитеты служили цели предотвращения применения к подозреваемым неподобающих мер физического или психологического давления². Я допускаю, что оба эти права — и в особенности право сохранять молчание — все еще служат этой цели. Сегодня по-прежнему необходимо оградить подозреваемых от подобного давления, когда они содержатся под стражей и допрашиваются от полиции.

Я также допускаю, поскольку это весьма вероятно, что показания, данные под давлением, могут оказаться ненадежными, что причина суще-

² Термин взятый из п. 45 и 46 судебного решения по делу Джона Муррей; если используемая Судом в данном решении терминология подразумевает, а я думаю так оно и есть, что не всякая форма принуждения нарушает эти права, то я согласен; если же, однако, она подразумевает, что “неподобающей” является всякая форма принуждения — а такое понимание возможно, тем более что оно подходит к обоснованию причин, которые будут рассматриваться далее в п. 10 — я не согласен также и по этому вопросу.

ствования обсуждаемых иммунитетов — как сказал Суд — стремление избежать судебных ошибок.

Более того, я допускаю, что существует определенная связь между этими иммунитетами и *презумпцией невиновности*, о которой говорит статья 6 п. 2 в той мере, в какой они позволяют обвиняемому не только сохранять молчание при допросе в полиции, но также отказываться отвечать на вопросы следователя или судьи, а также давать свидетельские показания против самого себя³.

9. Однако эти доводы не оправдывают позицию Суда, когда он утверждает, что эти иммунитеты лежат “в основе понятия справедливой процедуры”. У меня есть подозрения, что появлению данной характеристики содействовали иные, специально не упомянутые причины.

Отмечу в этом контексте, что доктрина и суды часто приводят и другие доводы, обосновывающие эти иммунитеты⁴. Их формулировки меняются, но все они в основном, если их резюмировать, сводятся к следующему: *уважение достоинства и свободы человека* требует, чтобы каждый подозреваемый был совершенно свободен решать, какую позицию он займет в отношении предъявленных ему обвинений. С этой точки зрения было бы неподобающим *заставлять* обвиняемого сотрудничать каким бы то ни было образом в деле своего собственного осуждения. Подобное обоснование часто является основным обоснованием наиболее широкого понимания права не свидетельствовать против самого себя.

Настоящее судебное решение наталкивает на предположение, что Суд воспринял эту точку зрения.

Первый довод в пользу такого толкования заключается в том, что во втором предложении п. 68 он повторяет обоснование данное в деле Муррей (см. п. 6 выше), но — предваряя цитату словами “*inter alia*” — подчеркивает, что это только часть обоснования необходимости этих двух иммунитетов. Второй и еще более важный аргумент — ударение, сделанное как в предпоследнем предложении п. 68 так и в п. 69 на воле обвиняемого: Суд теперь подчеркивает что рассматриваемая привилегия главным образом связана с волей обвиняемого. Это очень близко подходит к обоснованию в общих чертах изложенному выше, которое объединяет оба иммунитета должным уважением к достоинству и свободе человека.

10. Я, конечно, не отрицаю, что в такой точке зрения есть элемент истины, но склонен думать, что его весомость не следует преувеличивать. “Достоинство и свобода человека” звучит непререкаемо, но в нашем современном мире нужно сохранить возможность защитить общество от таких форм преступности, эффективная борьба с которыми настоятельно требует принуждать (определенные категории) подозреваемых к *сотрудничеству*, ведущему к их собственному обвинению. По моему мнению, для национального права в принципе должна оставаться открытой возможность принуждать (специфические категории) подозреваемых под угрозой наказания со-

³ См. п. 47 вышеупомянутого судебного решения по делу Джна Муррей.

⁴ Я пропускаю — как дефектные с моей точки зрения — “обоснования” причин типа того, что эти иммунитеты не позволяют ставить обвиняемого перед “суровым выбором”, или что неэтично заставлять кого бы то ни было сотрудничать в вынесении себе обвинительного приговора. Подобные “обоснования” не могут оправдать необходимости обсуждаемых здесь иммунитетов, так как они со всей очевидностью предполагают, что обвиняемый виновен, так как перед невиновным подозреваемым такой выбор не стоит и он не разрушит свою судьбу, правдиво отвечая на заданные ему вопросы.

трудничать активно или пассивно в создании доказательств и даже решающих доказательств против самих себя. Подозреваемых можно заставить дать такое разрешение или даже сотрудничать, снимая у них отпечатки пальцев, беря у них кровь на анализ для установления содержания в ней алкоголя, беря кусочки кожного покрова для проведения анализа ДНК, или требовать подуть в пробирку, чтобы установить, не управляют ли они транспортом в состоянии опьянения. Во всех таких и подобных им случаях национальный законодатель, по моему мнению, в принципе свободен принять решение, что всеобщий интерес в установлении истины и привлечении виновных к судебной ответственности должен превалировать над защищающей от самообвинения привилегией⁵.

11. Я боюсь, что оспариваемая мною квалификация обоих иммунитетов (как лежащих в “в основе понятия справедливой процедуры”), а также новое обоснование, в свете “достоинства и свободы человека”, означают, по мнению Суда, что рассматриваемая привилегия носит гораздо более абсолютный характер, чем в моем представлении. Если бы не п. 69 настоящего судебного решения — он будет рассмотрен ниже в п. 12 — я бы не добавил, что такую разницу в подходе могло бы проиллюстрировать упомянутое выше судебное решение по делу Функе. В этом случае решалась не столько судьба права сохранять молчание сколько не свидетельствовать против себя, так как Функе отказался передать (вероятно) инкриминирующие его документы. Комиссия пришла, по моему мнению справедливо, к выводу что правомерные интересы общества берут верх над привилегией⁶, но Суд отрез отказался следовать за ней, что наводит на мысль, что, по его мнению здесь невозможно установление баланса. В то же время стоит отметить, что обоснование, данное впоследствии в судебном решении по делу Муррей, а именно ссылка на общепризнанные международные стандарты⁷ конечно же не оправдывает этот подход: как в соответствии с пятой поправкой к конституции США⁸, так и в соответствии с практикой Суда Евро-

⁵ Конечно остается контроль Европейского суда по правам человека за тем установлены или ограничения данной привилегии в соответствии с законом, преследуют ли они правомерную цель и соразмерны с потребностями ее достижения: см. п. 2 выше.

⁶ Цитируемое произведение с. 33 и последующие, п. 63—65.

⁷ См. п. 5 выше.

⁸ Есть только одно обоснованное притязание на использование пятой поправки, когда благодаря конкретным фактам и обстоятельствам дела “само действие по представлению” является “свидетельством” и “носит” инкриминирующий характер”. Следует отметить, что когда должностное лицо корпорации предъявляет ее деловые бумаги и документы его действие не является свидетельством, носящим инкриминирующий характер; однако такое лицо защищено от свидетельствования против самого себя путем дачи устных показаний. В контексте моего расхождения по настоящему делу интересно отметить один из доводов, приводимых Верховным судом США в пользу такой ограничительной доктрины:

“Мы отмечаем далее, что признание привилегии, предоставляемой пятой поправкой, в интересах хранителя деловых бумаг юридических лиц оказало бы отрицательное воздействие на усилия правительства привлечь к судебной ответственности представителей “беловоротничковой преступности”, которая представляет собой одну из самых серьезных проблем, с которой сталкиваются правоохранительные органы. Большая часть доказательство неправомерной деятельности со стороны организации или ее представителей обычно обнаруживается в официальных бумагах и документах этой организации. Если на все эти безличные бумаги и документы будет наброшен покров данной привилегии, то обеспечить эффективное соблюдение многих федеральных законов и законов штатов станет невозможно”. (...) Если должное лицо сможет сослаться на привилегию, то государственные органы окажутся в безвыходном положении не только в своих усилиях обеспечить соблюдение законодательства по отношению к физическим лицам, но и в судебном преследовании организаций” (Braswell v. US 487 US 99).

пейских Сообществ⁹ право сохранять молчание существует, но в принципе оно не является правом на отказ передать документы, не говоря уже об абсолютном праве поступать таким образом.

12. Возникает вопрос, не пересмотрел ли Суд в п. 69 своего настоящего решения — молчаливо, не сказав об этом открыто и не приводя убедительных причин — свою прежнюю позицию и не взяли в основном на вооружение более ограничительную доктрину, принятую *inter alia* Судом Европейских сообществ. В этом контексте существенным является то, что в п. 69 делается ссылка на то, как данная привилегия понимается “в правовых системах Договаривающихся Государств и в других местах”. Еще более важным является то обстоятельство, что хотя первое предложение п. 69, по-видимому, соединяет право не свидетельствовать против себя с правом сохранять молчание, второе предложение, в противоположность тому, что сказано в решении по делу Функе похоже, подразумевает, что эта привилегия как таковая не включает в себя ни право отказаться передать инкриминирующие документы, ни право предотвратить использование полученных таким путем документов, в уголовном процессе.

Признаюсь, что я не вижу другого возможного толкования п. 69, поэтому я исхожу из того, что оно является правильным. Необходимо отметить остановиться два момента.

Первый — это то, что теоретически более широкое право не свидетельствовать против себя включено в право сохранять молчание и это *сужает* сферу защиты, предоставляемую подозреваемым. При моем понимании первого из этих прав, Суд сохраняет за собой полномочия осуществлять контроль за национальным законодательством и практикой его применения (см. п. 10 выше), от которого он однако отказался в своей судебной практике.

Второй момент заключается в том, что различие, проводимое между разрешением на использование в уголовном судопроизводстве материалов, которые “обладают независимой от воли подозреваемого формой существования”, и запретом на такое использование материалов, которые были получены “вопреки его воле”, остается, мягко говоря, открытым для серьезных сомнений. Почему подозреваемый должен быть свободен от принуждения дать подтверждающие его вину показания, но не от принуждения к сотрудничеству по представлению инкриминируемых ему данных? Принятое Судом новое обоснование не оправдывает подобное различие, так как воля подозреваемого не уважается в обоих случаях, и его заставляют содействовать собственному осуждению. Более того, предлагаемый критерий порождает ряд проблем: можно ли действительно говорить, что результаты анализа дыхания человека, подозреваемого в том, что он управляет транспортом в состоянии опьянения, которому его вынудили подвергнуться, существуют независимо от воли подозреваемого? А что можно сказать по поводу банковского кода или пароля, кодирующего доступ в зашифрованную систему, которые спрятаны в памяти подозреваемого?

Короче говоря, я не могу принять новую доктрину. Я придерживаюсь того понимания, что право не свидетельствовать против себя и право сохранять молчание являются двумя отдельными, хотя и взаимосвязанными иммунитетами, действие которых может быть ограничено.

⁹ См. его судебное решение по делу Оркем от 18 октября 1989 г., 374/87, 1989, IV, с. 3343 и далее и его судебное решение по делу Отто/Постбанк от 10 ноября 1993 г., C-60/92, Jurp. 1993, I, с. 5683 и далее.

II. Дальнейшее уточнение проблемы

А

13. Теперь, после вступительных замечаний общего характера, я перехожу к данному делу.

Прежде всего крайне важно не упустить из виду, что в данном деле необходимо ясно и четко разграничить *две стадии*: на первой из них г-ну Саундерсу пришлось предстать перед инспекторами МТП, и он должен был предстать перед судом только на второй стадии.

14. Важность проведения *различия* между двумя стадиями состоит в том, что статья 6 применима только в отношении второй стадии. На *первой стадии* г-ну Саундерсу еще не было “предъявлено уголовное обвинение” в том автономном значении, которое придает этой формуле статья 6¹⁰.

Хотя, строго говоря, п. 67 судебного решения лишь напоминает нам о том, что ни г-н Саундерс ни Комиссия не утверждали обратного, ее текст и в особенности ссылка на судебное решение по делу Девеера ясно указывают, что большинство внутри большинства подписывается под этим суждением¹¹.

15. Почему же г-н Саундерс еще не был “обвиняемым” на этой первой стадии? Просто потому, что он еще не получил тогда “официального уведомления, направляемого лицу компетентными органами, где содержится утверждение, что он якобы совершил уголовное преступление”¹².

По общему мнению обвинение “может в некоторых случаях быть предъявлено в форме *других мер*, указывающих на порочность поведения лица и также существенно влияющих на положение подозреваемого”¹³. Поэтому можно полагать, что расследование, проводимое инспекторами МТП, и было формой таких “*других мер*”, которые: (1) принимая во внимание цель расследования и обстоятельства настоящего дела, подразумевали что г-н Саундерс, который был директором компании “Гиннесс” во время проведения торгов, подозревался в совершении уголовно наказуемого правонарушения; и (2) затрагивали его положение как подозреваемого столь же существенно, как если бы в отношении его велось уголовное расследование.

Однако в подобном доводе отсутствует существенный элемент, ибо “обвинение” не имеет места, если “официальное уведомление” не направлено “компетентными органами” — то есть компетентными *органами обвинения*.

Общеизвестно, однако, что расследование, проводимое инспекторами МТП — помимо того, что оно носит в основном характер совершения следственных действий¹⁴ — не исходит от и не продолжается далее органами обвинения¹⁵.

¹⁰ См. упомянутое выше судебное решение по делу Функе, с. 22, п. 44.

¹¹ См. сноску 15.

¹² См. судебное решение по делу Кориглиано от 10 декабря 1982 г. Серия А, т. 57, с. 13, п. 34.

¹³ Там же.

¹⁴ См. решение Суда по делу Файед от 21 сентября 1994 г. Серия А, т. 294-Б, с. 47 и последующие п. 61 и 62. См. также п. 47 настоящего судебного решения.

¹⁵ См. решение Суда по делу Девеер от 27 февраля 1980 г. Серия А, т. 35. В этом деле официального уведомления о грозящем судебном преследовании не было. Инспекция проводилась не в рамках борьбы с преступностью. Тем не менее, начиная с определенного момента инспекция подошла к рубежу, за которым г-ну Девееру целесообразно было предъявить “обвинение” и именно тогда королевский прокурор — действующий преимущественно как орган государственного обвинения — предложил Девееру способ избежать судебного преследования (см. п. 46 в сочетании с п. 43). Аналогично см.: доклад Комиссии 4517/70, п. 68—72, D.R. п. 2, с. 21.

16. Следовательно, *во-первых*, то обстоятельство что г-н Саундерс был не вправе в течение всей этой первой стадии отказываться отвечать на инкриминирующие вопросы, не составляет нарушения его прав, предусмотренных статьей 6, то есть ни права сохранять молчание, ни права не свидетельствовать против себя.

Во-вторых, отсюда следует, что основная проблема по данному делу состоит в том, что если кто-либо использует показания, подтверждающие его вину в ходе такого расследования, когда он обязан давать ответы на любой вопрос под страхом штрафа или тюремного заключения, то будет ли совместимо с правом сохранять молчание и не свидетельствовать против себя, использование этих показаний в качестве доказательств против него в суде¹⁶.

В

17. Как уже было указано выше в п. 2, это основной вопрос.

Наше современное общество является “информационным”, также и в том смысле, что все мы, и правительственные службы, и граждане, находимся в значительной степени в зависимости от разного рода информации, предоставляемой (другими) гражданами. В особенности это применимо к правительственным службам: бесчисленные управленческие решения — независимо от того, возлагают ли они обязанность или предоставляют право, — строятся на такой информации. Такую информацию не всегда можно проверить заранее. Поэтому человек должен иметь возможность полагаться на правдивость подобной информации. Однако старинная добродетель правдивости в значительной мере исчезла из современных нравов. Мы превратились в “расчетливых граждан”, ставящих свои собственные интересы превыше интересов общества. Неудивительно, что обман в его самых разнообразных формах стал проклятием нашего общества: обманы в области налогов¹⁷ и социального страхования, при получении правительственных субсидий, при использовании окружающей среды (незаконный сброс опасных отходов), в области торговли оружием и наркотиками (отмывание денег), мошенничество в корпоративной сфере. Обман становится все более соблазнительным, так как в нашем компьютеризованном мире, где существуют многообразные средства шифровки и кодирования, его стало гораздо проще скрыть¹⁸.

Поэтому общераспространенным считается взгляд, что простой угрозы уголовных и иных санкций недостаточно, для эффективной борьбы с подобными правонарушениями необходимы выборочные аудиторские и специа-

¹⁶ До сих пор я согласен с мнением Суда: см. п. 67 настоящего судебного решения.

¹⁷ См. Ароновиц, Лаагланд и Паулидес, “Мошенничество с налогом на добавленную стоимость в Европейском Союзе”, Издательство Куглер Пабליкейшенс, Амстердам, 1996 г. и приложение к ней, где приводятся данные сравнительного характера о способах борьбы с данным видом мошенничества в Голландии, Бельгии, Соединенном Королевстве и в Германии.

¹⁸ “Такие теневые бухгалтерские книги ведутся в специальных файлах охраняемых внушительным кордоном паролей, компьютерных “мин” и других защитных механизмов и, по крайней мере теоретически, к ним невозможно добраться через главный компьютер”, Салман Рушди, Последний вздох мавра. Комитет, разработавший рекомендацию № R (95) 13 — см. следующую сноску — отметил “растущие злоупотребления со стороны нарушителей новыми телекоммуникационными технологиями и устройствами, включая технику шифрования”.

лизированные проверки, инспекции и расследования со стороны высоко специализированных учреждений. Аудиторам необходимо не только обладать специальными знаниями, они не могут обойтись без “соответствующих специальных полномочий”¹⁹. Обычно это включает в себя не только право проводить инспекцию корреспонденции и файлов, проверять счета и бухгалтерские книги, но также требует определенной степени активного сотрудничества²⁰ со стороны тех, чья деятельность расследуется, чтобы получить сведения о паролях и другой секретной информации, обеспечить передачу документов и ответы на вопросы. Обычно принудительное осуществление указанных прав обеспечивается благодаря угрозе наказания.

Отсюда — и, очевидно, в силу того, что такие проверки могут незаметно перерасти в уголовное расследование, — существует противоречие с правом на молчание и привилегией не свидетельствовать против самого себя.

18. Этот конфликт может быть разрешен разными способами, и я считаю, что мы должны осознать, что даже в рамках одной правовой системы могут существовать различные решения.

Законодатели, отправной точкой для которых при проведении подобных проверок служит идея, что установление истины перевешивает все, соответственно лишают тех, кто находится под следствием, права на молчание и привилегии, защищающей от самообвинения, квалифицировав отказ отвечать на вопросы или иным образом сотрудничать как самостоятельное правонарушение. Возникает несколько возможных вариантов использования полученных таким способом материалов в качестве доказательств в последующем уголовном процессе против тех, кто находится под следствием. В некоторых случаях предусматривается, что подобные материалы совсем не могут использоваться в качестве доказательств; иногда их разрешается использовать только в случае привлечения к судебной ответственности за лжесвидетельство; иногда они также могут использоваться, когда лицо, против которого возбуждено уголовное дело дает показания, несовместимые с материалами, о которых идет речь; иногда такие материалы могут быть использованы как доказательство в суде, если только суд не придет к выводу, что с учетом обстоятельств дела подобное использование было бы несправедливым. Настоящее дело является примером решения последнего типа: статья 434 § 1 и 3 Закона 1985 г.²¹ не оставляют сомнений в том, что

¹⁹ Термин заимствован из Рекомендации Совета Европы № R (95) 13 касающейся уголовно-процессуальных проблем связанных с использованием информационных технологий. См. об этой рекомендации: П. Шонка, Компьютерное право и доклад по проблемам безопасности 1996 г. (т. 12) с. 37 и последующие. Вступительный абзац к этой очень полезной статье показывает, что проблема изучалась в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ЕС и ООН: соответствующие доклады и рекомендации приводятся.

²⁰ См. главу III приложения к рекомендации № R (95) 13, на которую дается ссылка в предыдущей сноске. В пункте 10 данной главы говорится, что “следственные власти должны обладать полномочиями приказывать лицам, у которых имеются данные в контролируемой ими компьютерной системе, предоставить всю необходимую информацию, чтобы получить доступ в их компьютерную систему и к хранящимся в ней данным”. Пункт 10 ссылается на обязанность сотрудничать в “уголовном судопроизводстве”, а потому на такое сотрудничество распространяются “предусмотренные правом привилегии и средства защиты”. Я цитирую это здесь потому, что данная цитата показывает необходимость специального долга сотрудничать применительно к современным технологиям.

²¹ См. п. 42 и 43 судебного решения.

данное положение касается того типа расследования, которое рассматривалось выше в п. 16, а § 5 указанной статьи специально предусматривает возможность использования данных инспекторам МТП ответов в качестве доказательств в суде.

19. Отсюда следует, что основной вопрос по настоящему делу, является ли § 5 статьи 434 Закона 1985 г. несовместимым с правом на молчание или правом не свидетельствовать против себя. Принимая во внимание то, что уже было мной сказано в п. 17 выше по поводу аудиторских проверок, трудно отрицать, что данная проблема имеет общее значение. Более того, решение о том, что статья 434§ 5 Закона 1985 г. не совместима с рассматриваемыми правами может, в силу внутренней логики повлечь за собой (по-скольку станет невозможным пользоваться ответами тех, чья деятельность расследовали инспектора МТП) недоказуемость и таких фактов, подтвержденных ответами, как существование счета в иностранном банке или секретного файла!

III. Решение проблем(ы)

20. В попытке решения основной проблемы я исхожу из посылки, что законодательный орган Соединенного Королевства — который в подобных делах должен иметь определенную сферу усмотрения — мог вполне обоснованно прийти к выводу, что, когда ходят серьезные слухи об обмане и мошенничестве, государственный интерес в защите общества от такого рода преступлений требует выявления истины и это оправдывает систему расследования, предусмотренную Законом 1985 г., при которой должностные лица и служащие компании, чья деятельность расследуется, обязаны сотрудничать с инспекторами МТП на условиях, изложенных в статье 434 данного Закона, не пользуясь обсуждаемыми здесь иммунитетам.

21. Первое, на что надо обратить внимание, это то, что § 5 статьи 434 Закона 1985 г. предполагает инкриминирующий характер ответов и разрешает их использование в качестве доказательств *“против давшего их лица”*.

Второе, на что надо обратить внимание, это то, что хотя с первого взгляда, кажется, что под угрозой находится не столько право сохранять молчание, сколько привилегия, защищающая от самообвинения, дальнейший анализ показывает, что в равной мере оказываются задеты оба права: предмет спора в том, насколько позволительным является использование в качестве доказательств ответов, полученных в ходе расследования, в отношении которого законодатель умышленно игнорировал как право сохранять молчание, так и право не свидетельствовать против себя (см. п. 17 и 18 выше и текст статей 434 и 436 Закона 1985 г.).

22. Признаюсь, что я несколько колебался при решении основного вопроса. Однако в конце концов я пришел к выводу, что меня не удалось убедить, будто статья 434§ 5 Закона 1985 г. несовместима с правом сохранять молчание или — с более широким правом — привилегией, не свидетельствовать против себя. Будет только справедливо сказать, что свою роль в этом решении сыграли те серьезные последствия означенной точки зрения, на которые было указано в конце п. 19.

Как уже было указано выше в п. 7—12, я не рассматриваю ни одно из этих прав как абсолютное, а потому я коренным образом не согласен с категоричным заявлением, сделанным в п. 74 решения Суда, согласно которому: *“нельзя ссылаться на общественный интерес в оправдание использо-*

вания ответов, добытых принудительным путем в ходе внесудебного расследования, для того чтобы изобличить обвиняемого в ходе судебного разбирательства”.

Я согласен, что при суде над водителем, обвиняемым в управлении транспортным средством в состоянии опьянения, результат принудительного анализа дыхания, может быть использован в качестве доказательства, свидетельствующего против него, хотя оно и было получено благодаря тому, что законодатель отменил действие привилегии, защищающей от самообвинения. Почему же тогда считается недопустимым использовать в качестве доказательства показания, полученные в результате аналогичной отмены как права сохранять молчание, так и привилегии, не свидетельствовать против себя.

Поскольку смысл этих иммунитетов состоит в том, чтобы предоставить обвиняемому защиту от неподобающего принуждения со стороны государственных органов и тем самым помочь избежать судебных ошибок, не требуется признания недопустимым § 5 статьи 434 Закона 1985 г.: беспристрастность инспекторов МТП, которые лишь стремятся установить истину, их профессиональные качества — речь идет обычно о старших юристах и бухгалтерях, — порядок рассмотрения дела в их присутствии, строящийся на принципах естественной справедливости под контролем судов, и, наконец, то обстоятельство, что лица, находящиеся под следствием, получают письменное извещение о том, что от них требуется, заранее и могут давать показания в присутствии адвокатов²², по-видимому, предоставляют достаточные гарантии от неподобающего физического или психологического давления, в то время как полномочия судьи, участвующего в рассмотрении дела, которыми он пользуется на основании статьи 78 Закона о полиции, и доказательства в уголовном судопроизводстве²³, представляют собой дополнительную гарантию от несправедливости, проистекающей из инквизиционного характера такого расследования, а также от остающейся опасности судебной ошибки.

Ссылка на “достоинство человека и его свободу” также не может заставить нас прийти к выводу, что использование полученных в ходе такого расследования ответов в качестве доказательств неприемлемо. Как я уже указывал, такое обоснование следует рассматривать как относительное (см. п. 10 выше), и тому в настоящем контексте есть особое оправдание. В конце концов, исходя из гипотезы, которую мы обсуждаем, ответы носят “*инкриминирующий характер*” (см. п. 21 выше). Это означает, что они до некоторой степени *изобличают* как преступление, так и лицо, его совершившее. Поэтому вопрос сводится к тому, можно ли использовать эти разоблачения для привлечения данного лица к судебной ответственности. Не слишком ли широким будет смысл придаваемый уважению к достоинству и свободе человека — или, используя терминологию Суда, уважение к его воле — если изобличающие его показания, в ходе расследования, где он не обладал этими иммунитетами, в силу этих особых качеств станут недопустимыми для их использования в суде?

Я думаю, что на этот вопрос в любом случае следует ответить положительно, так как если какое-либо использование части или всех таких ответов в качестве доказательств становится невозможным, то это означа-

²² См. п. 42 и 43 судебного решения.

²³ См. п. 52 судебного решения.

ет, что у того, кто был изобличен хотя до некоторой степени в совершении правонарушения, тем не менее остаются шансы уйти от наказания; я готов допустить²⁴, это будет практическим результатом большого числа таких сложных дел об обмане. Мне трудно согласиться с тем, что после того как в результате расследования обман обнаружен, право на молчание и привилегия, защищающая от самообвинения, делают *невозможным* практическое использование полученных данных, то есть привлечение к суду и наказание тех, чья ответственность уже в определенной степени выявлена. Это привело бы к подрыву свойственной уголовному праву функции устрашения именно в той области, где она особенно нужна (см. п. 17 выше) и, кроме того, сильно оскорбило бы чувство справедливости у населения.

23. Существует еще один довод, который заслуживает отдельного обсуждения, так как он, по-видимому, произвел впечатление на Комиссию и, соответственно, был — причем успешно²⁵ — развит адвокатом заявителя в его выступлениях перед настоящим Судом.

24. Напомню, что мы обсуждаем законодательство предусматривает два этапа: (1) такое расследование, при котором лица, находящиеся под аудиторской проверкой, обязаны сотрудничать с проверяющими и отвечать на их вопросы, не пользуясь двумя рассматриваемыми здесь иммунитетами (первый этап), и (2), возможное использование ответов, полученных таким путем, в качестве доказательств в последующем судебном процессе (второй этап). Общим основанием для существования законодательства такого типа служит необходимость защиты населения от серьезных форм экономических злоупотреблений. Данный общественный интерес оправдывает, во-первых, отмену действия рассматриваемых иммунитетов на первом этапе (на стадии расследования) и, во-вторых, использование полученных ответов на втором этапе (на стадии суда) для того, чтобы убедиться, что там, где на первом этапе удалось выявить лицо, совершившее преступление, оно получило бы заслуженное наказание на втором этапе. Однако если смотреть под этим углом зрения, то в целом данный процесс сводит на нет право на молчание и право не свидетельствовать против себя.

Этот аргумент ведет к выводу, что если такой двухэтапный процесс, который равнозначен отмене этих двух иммунитетов установлен ради защиты населения от серьезных форм экономического обмана, то такой же двухэтапный процесс следует считать приемлемым на аналогичных основаниях в отношении обычных преступлений, поскольку интересы защиты населения от грабежей, насилия, убийств и т. п. перевешивают необходимость в сохранении тех же самых иммунитетов. Вполне очевидно, это будет означать конец обоих рассматриваемых здесь иммунитетов.

25. Слабым местом данного аргумента является то, что он пренебрегает различием между разнообразными формами серьезных экономических преступлений и такими обычными преступлениями, как грабеж, насилие и убийство, различием, которое в данном контексте становится существенным. В делах об обычных преступлениях обнаружение преступления почти всегда предшествует проведению расследования, которое соответственно, как правило, нацелено на то, чтобы выяснить, “кто его совершил”; тогда как в делах об экономических преступлениях первая и главная цель, которую обычно преследует расследование, — установить было ли вообще совершено преступление. Это различие по *существу*, так как оно объясняет,

²⁵ См. подп. 2 п. 74 судебного решения.

почему следствия по делам об обычных правонарушениях подпадают, как правило, под сферу действия статьи 6, тогда как расследования в области корпоративной — нет: тем, кто является объектом расследования первого типа, предъявляется, как правило, “уголовное обвинение” в том автономном значении понятия, как оно используется в статье 6, тогда как тем, кто находится под следствием при расследовании предполагаемых корпоративных правонарушений, — нет, а поэтому они могут быть лишены рассматриваемых привилегий на первом этапе без нарушения статьи 6.

В отношении второго этапа, когда обвинение уже предъявлено и статья 6 подлежит применению, имеются веские аргументы в пользу выделения корпоративного обмана из других видов преступлений. Во-первых, существуют важные типологические отличия между часто высокообразованным, хорошо воспитанным, корпоративным злоумышленником и другими преступниками, а, во-вторых, другой существенной чертой, которая выделяет экономические обманы из других видов преступлений, является то, что они поддаются распознаванию только после специального расследования, типа того, на которое дается ссылка выше в п. 17; кроме того, судебное преследование за их совершение будет успешным только тогда, когда результаты такого расследования могут быть использованы в качестве доказательств, свидетельствующих против злоумышленника (см. п. 22 выше).

По этим основаниям аргумент не работает. Не работает и схожее возражение заявителя, который выдвигает тот же довод в форме утверждения о якобы имеющей место дискриминации между “корпоративными преступниками”, которые лишаются двух рассматриваемых здесь иммунитетов, и “обычными преступниками”, которые ими пользуются. Упомянутые здесь различия подразумевают, что такие дела совсем не похожи, данный довод, кроме того, не учитывает существенного различия между весьма изощренной процедурой расследования, проводимого инспекторами МТП, и допросами лиц, помещенных под стражу в полиции.

26. Мой вывод, что статья 434 § 5 Закона 1985 г. не является несовместимой с этими двумя иммунитетами, конечно, не освобождает меня от необходимости проанализировать, не будет ли тем не менее несправедливым использование ответов заявителя инспекторам МТП с учетом особых обстоятельств данного дела. Это то, что Правительство именуется действительным предметом спора.

Напомню в этом отношении, что (1) согласно статье 78 Закона о полиции и доказательствах в уголовном судопроизводстве²⁶ именно председательствующий в процессе судья следит за тем, чтобы использование ответов “не оказало бы отрицательного воздействия на справедливость судебного разбирательства, вынудив суд объявить их недопустимыми; (2) что судья дважды обстоятельно выяснял непредвзятость присяжных по данному делу, каждый раз он выносил определения, которые продемонстрировали его готовность использовать свои полномочия, вытекающие из данной статьи, а также его чувствительность к интересам защиты — *inter alia* он исключил из числа доказательств материалы восьмого и девятого опроса²⁷ — и в своем напутственном слове, которое было квалифицировано Апелляционным судом как “в целом высокопрофессиональное изложение дела”²⁸, срав-

²⁶ См. п. 52 судебного решения.

²⁷ См. п. 28 и 29 судебного решения.

²⁸ См. п. 38 судебного решения.

нил и противопоставил то, что было сказано заявителем в суде, с его ответами инспекторам МТП, продемонстрировав тем самым, что он не считает такое использование несправедливым²⁹.

Очевидно, г-ну Саундерсу не удалось убедить Апелляционный суд, что председательствовавший в процессе судья проявил небрежность в обеспечении справедливости разбирательства. Не убедил он в этом также и меня.

В п. 72 Суд придает большое значение тому обстоятельству, что на определенной стадии рассмотрения дела — с 45 по 47-й день — суду присяжных были зачитаны протоколы опросов³⁰. Однако мне помнится, что с самого начала процесса защита г-на Саундерса строилась главным образом на том, что если даже обман и имел место, то заявитель был невиновен, поскольку не знал об этом. Он настаивал, что ничего не знал о выплатах в возмещение убытков или иных выплатах и что по этим вопросам с ним не консультировались. Записи позволяли опровергнуть эту линию защиты и были для этого использованы³¹.

Поэтому я нахожу, что — каким бы ни было точное значение довольно-таки приблизительного замечания Апелляционного суда, что материалы опросов “составляли значительную часть материалов обвинения по делу”³², — ответы г-на Саундерса инспекторам МТП были использованы в качестве доказательств против него главным образом для того, чтобы продемонстрировать, что свидетельские показания, которые он предпочел дать в суде, не заслуживают доверия и что в отдельных местах они расходятся с этими ответами. Я не считаю, что такое использование ответов было несправедливым.

27. По вышеизложенным основаниям я голосовал против решения о нарушении прав заявителя, охраняемых статьей 6.

²⁹ См. п. 33 судебного решения.

³⁰ В пункте 72 Суд говорит о “части записей”, но п. 31 однозначно подразумевает, что были зачитаны все записи, что объясняет почему чтение заняло три дня. То, что записи были зачитаны полностью тем более вероятно, потому что чтение лишь отдельных фрагментов было бы несправедливо по отношению к защите. Однако, если принять, как это делаю я, что записи были зачитаны полностью, то такое чтение нельзя описывать как “подобное широкое использование”.

³¹ См. пункт 31 судебного решения. Мне непонятно, почему Суд в п. 72 своего решения счел существенным то, что обвинение “должно быть полагало, что чтение записей играло ему на руку, помогая установить нечестность заявителя”. Конечно, обвинение так считало и, как показывает исход судебного разбирательства, справедливо. Но какое это имеет отношение к решению вопроса, можно ли считаться уд несправедливым по причине такого чтения? Не хочет ли Суд предположить, что у обвинения были неподобающие мотивы? Не потому ли он в дальнейшем пытается строиться вою аргументацию на желании обвинения воспользоваться также и записями, сделанными в ходе восьмого и девятого опроса, хотя в п. 29 судебного решения им было установлено, что постановлением судьи, председательствующего в процессе, эти записи были исключены? Все эти неточности делают умозаключения Суда по такому важному вопросу, значение которого тем не менее выглядит несколько преувеличенным, еще более неубедительным.

³² См. п. 40 и 72 судебного решения.